

А БЫЛА И КУРТУАЗНОСТЬ...

Этот человек широко известен в дипломатических кругах, не только отечественных, но и зарубежных. Его знают как дипломата с пятидесятилетним стажем. Иначе говоря, он пришел во внешнеполитическое ведомство нашей страны в тот год, когда была создана Организация Объединенных Наций. Сейчас он Посол, профессор, доктор наук, один из крупных юристов-международников, действительный член Международной академии наук МАФ. Это Александр Сергеевич Пирадов (подробнее о нем см. в № 2 нашего журнала за 1994 г.).

Но об одной стороне его жизни, о которой знали практически все, кто был с ним знаком, никогда не упоминали наши средства массовой информации. Он зять Андрея Андреевича Громыко, с чьим именем связана история создания ООН и кто подписал от имени Советского Союза Устав этой Организации. В течение многих десятилетий от нашей страны в ООН выступал А.А. Громыко. Почти четверть века одной из заметных фигур среди советских дипломатов, выезжавших на заседания различных органов ООН, был А.С. Пирадов.

Естественно и вполне оправданно, что наш журнал по случаю памятного юбилея обратился с просьбой об интервью именно к этой *persona grata*.

МЖМП. Об ООН написаны горы литературы, в том числе о ее значении в развитии международного права. Казалось бы, уже все известно и ничего нового добавить к этому нельзя. Тем не менее вы как человек, много лет варившийся в «ооновской каше», несомненно могли бы что-то добавить к уже известному или вспомнить забытое или малоизвестное, что было бы интересно нашим читателям и полезно специалистам в области международного права.

А.С. Пирадов. Если хотите, начну не с конференции в Сан-Франциско, на которой была создана ООН, а с Бреттон-Вудской конференции, что была годом раньше. Потому что то, что произошло там, приобрело для сегодняшней России особую значимость. В пригороде Вашингтона Бреттон-Вудсе Объединенные Нации — а этот термин существовал уже с 1942 года, когда оформилась антигитлеровская коалиция, — собрались на свою первую конференцию по валютным и финансовым вопросам. Было это в июле 1944 года. Война еще шла, но уже брезжила победа. Сотрудничество союзников определялось по многим направлениям. Москва ответила согласием на приглашение в Бреттон-Вудс. Однако посылать специальную делегацию было и сложно, и неудобно.

Поэтому Сталин, зная, что новый молодой посол Советского Союза в США Андрей Андреевич Громыко по образованию экономист, поручил ему участвовать в этой конференции. В дни Бреттон-Вудса Громыко исполнилось тридцать пять лет. А через пять дней после своего дня рождения он от имени СССР поставил подпись, парафируя Бреттон-Вудские соглашения. Там Объединенными Нациями были созданы Международный валютный фонд (МВФ) и Международный банк реконструкции и развития (МБРР), впоследствии преобразованный в Мировой банк (МБ).

Суть Бреттон-Вудских соглашений состояла в том, что они закладывали основы послевоенной валютно-финансовой системы, в которой доллар стал играть роль основной резервной валюты. Вот и выходило: главной ударной силой в войне был Советский Союз, вынесший на своих плечах тяжесть победы. Горячие головы отдельных маршалов требовали у Сталина «идти до Гибралтара». Дескать, во Франции и Италии в правительствах есть коммунисты, они нам помогут. И политическая обстановка этому благоприятствует. А в это время США подчиняли доллару всю мировую валютно-финансовую систему, слизывая пенки победы.

Сталин понял это, когда Бреттон-Вудские соглашения легли ему на стол для подготовки к ратификации, и отказался их ратифицировать. Более того, за все послевоенные годы вы не найдете упоминания в советской литературе или в печати о том, что Советский Союз подписал эти соглашения.

Страна жила сама по себе со своей внутренней валютой — рублем. В годы расцвета Совета Экономической Взаимопомощи появилась даже международная расчетная валютная единица — переводной рубль. А после победы «демократов» началось тихой сапой заигрывание с МВФ и МБ. Это привело к тому, что «зеленые» ходят в России наравне с рублем, а МВФ диктует свои условия экономического развития нашей стране. Хорошо это или плохо? Каждый из россиян вправе сам ответить на этот вопрос исходя из собственного опыта. Но чем дольше мы живем, тем больше мы видим...

МЖМП. Согласитесь, странное начало для интервью о пятидесятилетии ООН. Мы Вам — об ООН, а Вы — об МВФ.

А.С. Пирадов. Ничего странного в этом не вижу. В основе любой политики лежит экономика. Кстати, почему это считается марксистским термином? Ничего подобного. Спросите любого зарубежного политика, далекого от марксизма. Он скажет то же самое. Потому американцы и начали создание послевоенного мира не с конференции в Сан-Франциско, которая состоялась в 1945 году, а с Бреттон-Вудских соглашений 1944 года. Укрепили доллар, сделали его валютой, на основе которой велись основные международные рас-

четы, после чего можно было вести разговоры и о политике. Это несколько схематично, но в целом картина именно такова.

Теперь о конференции в Сан-Франциско. О ней тоже немало написано. Но в свете событий последних лет хотелось бы обратить внимание на одну любопытную деталь. Возьму на себя смелость утверждать, что свою суверенность Украина и Белоруссия приобрели именно на этой конференции. Расшифруем парадоксальность этого утверждения. Приглашения на конференцию рассылались от имени правительств СССР, США, Великобритании и Китая. Получили их правительства 42 государств, подписавших 1 января 1942 г. Декларацию Объединенных Наций или присоединившихся к ней позднее и объявивших войну странам «оси» до 1 марта 1945 г. Украины и Белоруссии в «списке 42-х» не было... Им послали приглашения немного позднее и отдельно, потому что на этом настаивал Сталин на Ялтинской конференции трех держав. Он аргументировал свое требование тем, что эти две страны, во-первых, подверглись опустошительным разрушениям, так как каток войны прошелся по ним дважды — когда Красная Армия отступала и когда она наступала, а во-вторых, оба народа — украинский и белорусский — внесли весомый вклад в общее дело победы союзников. Рузвельт и Черчилль согласились с доводами «дядюшки Джо», хотя прекрасно понимали и скрытый смысл этого: Советскому Союзу нужны были голоса поддержки в будущей международной организации. Так Украинская ССР и Белорусская ССР вышли самостоятельно на международную и дипломатическую арену. Сталин это предвидел: еще в 1944 году, когда гитлеровские войска по всему фронту откатывались назад и Великая Победа приобретала все более явственные очертания, Наркомат иностранных дел был преобразован из общесоюзного в союзно-республиканский и во всех союзных республиках появились свои НКВД. В том же году был создан МГИМО. Сталин смотрел далеко вперед: для внешних сношений нужны были квалифицированные кадры.

Что же касается расчета на приобретение голосов, то в этом Сталин был прав. В течение многих десятилетий, вплоть до последних лет, представители Киева и Минска голосовали во всех органах ООН так, как голосовала Москва. Только однажды в Женеве на заседании Комитета ООН по защите прав детей произошел казус: по одному из второстепенных вопросов СССР проголосовал «за», Украина — «против», а Белоруссия воздержалась. Но это, говорят специалисты, произошло потому, что помещение оказалось неудобным, делегации сидели почему-то в разных углах и не видели друг друга.

Вспоминая Сан-Францисскую конференцию, надо обратить внимание и на то, что только благодаря позиции Советского Союза

Польша стала страной — учредительницей ООН. Таких стран, которые являются учредителями, в ООН всего 51. Иначе говоря, чуть больше четверти ее нынешних членов. С точки зрения правовой звание «учредителя» государству ничего не дает, но, когда речь идет о престиже, это очень важно.

Так вот, Советский Союз на Сан-Францисской конференции отстаивал престиж Польши. Правда, сразу надо оговориться, была тут и другая мысль: Польша в обозримом будущем могла стать союзницей СССР на международной арене и в ООН, что и случилось впоследствии. Но в то время столкновение дипломатических и политических интересов СССР, с одной стороны, а США и Англии — с другой, ощущалось очень остро. Сталин в Ялте предложил пригласить Польшу на конференцию в Сан-Франциско. Черчилль и Рузвельт в ответ заявили, что сначала необходимо реорганизовать польское правительство, созданное из поляков, которые пришли в Варшаву с Польской Армией из Советского Союза. «Западники» настаивали на том, чтобы это временное правительство было «разбавлено» членами польского эмигрантского правительства, которое находилось в Англии. Сталин согласился с этим, что нашло отражение в решениях Крымской конференции. Однако к началу конференции в Сан-Франциско этого сделано не было. Но уже на самой конференции руководитель советской делегации А.А. Громько провел директиву Сталина в жизнь. Западные державы, в портфелях которых были указания Трумэна и Эттли (к тому времени Рузвельт умер, а Черчилль потерпел поражение на выборах), вынуждены были согласиться с предложением СССР, и Польша, которая не участвовала в Сан-Францисской конференции, тем не менее стала страной-учредительницей и ей было оставлено место для подписания Устава ООН в этом качестве.

Теперь ясно, почему меня удивляют те польские политики, историки, юристы, которые утверждают, будто СССР и Сталин всегда были настроены по отношению к Польше враждебно.

МЖМП. Какие любопытные факты можно было бы вспомнить в связи с началом деятельности ООН?

А.С. Пирадов. В истории ООН заседание Генеральной Ассамблеи один-единственный раз проходило за пределами США. Это была самая первая ее сессия. Она состоялась в Лондоне.

А в это время в Нью-Йорке уже развернулась стройка на берегу Ист-Ривер. Строились здания ООН на клочке земли, который купил Рокфеллер за восемь миллионов долларов. Он подарил эту землю через «Чейз Манхэттен бэнк» правительству США, а оно, в свою очередь, ООН.

МЖМП. Какими значительными международно-правовыми документами ознаменовались первые шаги ООН?

А.С. Пирадов. Это прежде всего принципы Нюрнбергского трибунала, подтвержденные в резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН от 11 декабря 1946 г. и 27 ноября 1947 г. в качестве общепризнанных принципов международного права. Они заложили основу для разработки Конвенции о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества, которая была подписана позднее, только в 1968 году.

А потом последовало очень много международно-правовых документов, значимых и не очень, крупномасштабных, оставивших яркий след в истории, и таких, о которых после их принятия сразу же забыли даже специалисты. Мне не хотелось бы повторять общеизвестные азбучные истины, тем более для специалистов, на которых в первую очередь рассчитан ваш журнал.

Теперь о другом, тоже весьма примечательном наблюдении. По Уставу ООН ее главными органами являются Генеральная Ассамблея, Совет Безопасности, Экономический и Социальный Совет, Совет по Опеке, Международный Суд и Секретариат. Так вот, с учетом этого было спроектировано, а затем и построено многоэтажное здание ООН. У каждого органа имеется свой зал заседаний. За исключением Международного Суда, который находится в Гааге, и Секретариата, которому отдельный зал не нужен. Среди этих залов имеется и свой реликт — большой зал заседаний Совета по Опеке, который практически так и не использовался для заседаний.

Хочется провести аналогию с сегодняшними залами в Кремле. Большие и удобные залы, где совсем недавно заседали Верховный Совет с его двумя палатами — Советом Союза и Советом Национальностей, и Кремлевский театр сейчас в запустении, а точнее — в политическом небытии. Параллель с залом Совета по Опеке прямая: тот не используется, поскольку сама система опеки оказалась жизненно невостребованной и рухнула, эти же — потому что кремлевские «демократы» насмерть перепуганы «непокорной» Госдумой и ждут не дождутся, когда она успокоится, утихомирится, тогда, дескать, можно будет и подумать о «переселении» ее в Кремль, в «старые» залы российского парламента, поближе к президентскому окружению. Хотя вроде бы так вопрос не ставится. Дума получила отремонтированное турками здание в Охотном ряду, Совет Федерации — на Большой Дмитровке (бывшая Пушкинская ул.). Вряд ли кто-нибудь из нынешних обитателей Кремля будет ставить вопрос о приглашении законодательных органов власти в те залы, где они разместились с того времени, когда в XX веке Москва снова стала столицей нашей Родины.

А в общем на протяжении всей своей истории ООН оставалась организацией, созданной государствами — участниками антигитлеровской коалиции во имя поддержания мира между народами, его

укрепления, утверждения международной безопасности и развития сотрудничества между государствами. Как правило, у нее это получалось, но были случаи, когда под флагом ООН велись несправедливые войны. Однако никто не ставит под сомнение необходимость этой организации. Как раз наоборот. И мы в России, и наши партнеры по организации в один голос заявляем, что она нужна. Авторитет ее в мире велик. В наше время трудно представить себе мир без ООН.

МЖМП. Что ж, ваши рассуждения будут интересны нашему читателю. Вместе с тем известно, что вы участвовали в работе более чем двадцати сессий Генеральной Ассамблеи ООН, были руководителем советской делегации на многих заседаниях комитетов, подкомитетов и рабочих групп в различных органах ООН, в первую очередь в Комитете ООН по использованию и исследованию космического пространства в мирных целях. О работе этих органов в прессе, по радио и на телевидении писалось, говорилось и показывалось очень много. Казалось бы, что уже нет ничего такого, чего наш читатель и телезритель не знает. Но, быть может, вы попытаете вспомнить то, о чем не писалось и не говорилось?

А.С. Пирадов. Расскажу вам из истории ООН два эпизода — один веселый и один грустный. Оба они малоизвестны в нашей стране.

Эпизод первый. На одной из сессий Генеральной Ассамблеи ООН американская делегация включила в свой состав кинозвезду — очень красивую актрису из Голливуда. К сожалению, забыл ее фамилию. Она регулярно ходила на заседания, а весь зал не сводил с нее глаз. Впоследствии, когда стали искать причину сбоев в работе той сессии, все единодушно вспомнили известную французскую поговорку *cherchez la femme*. Одного американца я спросил, какая связь между ООН и звездой экрана США. Он с хитрецей ответил: «А это чтобы дипломатическая публика не сучала».

Эта история имела продолжение. Через некоторое время мне предстояло ехать на заседание Комитета ООН по космосу. Руководство советского МИД включило в состав нашей делегации в качестве секретаря молодую красивую женщину. Фурор на этом заседании наша делегация произвела такой же, как и американская — на Генеральной Ассамблее. Но и я, как руководитель делегации, не избежал ухмылок со стороны наших острословов. Дело в том, что нас поселили в отеле так, что секретарь жила в соседнем со мной номере. А незадолго до этого в Нью-Йорке проходили гастроли балета Большого театра. И вот главный балетмейстер Лавровский вызывает как-то одного из ведущих артистов балета и спрашивает его: «Слушай, почему ты потерял прыгучесть?» А тот по простоте душевной в ответ: «А вы посмотрите, как вы меня

поселили. Слева вход в стене к одной нашей примае, справа — к другой. Вот я и хожу на полночи — к одной, на полночи — к другой. Какая уж там прыгучесть на сцене!» Эту байку хорошо знали в кругу наших дипломатов. Каждое утро перед очередным заседанием Комитета друзья-дипломаты меня ехидно вопрошали, не потерял ли прыгучесть и я.

Второй эпизод грустный. Он связан с министром иностранных дел Советского Союза Андреем Андреевичем Громыко. Случилось это 26 сентября 1978 г. В тот день во время выступления с трибуны Генеральной Ассамблеи ему стало плохо. Да как! Хорошо, что рядом были два охранника и врач. Они подхватили его под руки и буквально вынесли с трибуны. Дело в том, что он всегда любил тепло и соответственно одевался. А в тот день, стоя на трибуне под лучами множества прожекторов, софитов, ламп, он перегрелся на таком электропекле и получил тепловой удар.

В зале был объявлен перерыв, вся Ассамблея загудела как встревоженный улей. Андрей Андреевич быстро пришел в себя и потребовал разрешить ему закончить выступление. Прошло всего сорок минут, и он снова стоял на подиуме. А в зале гремела овация. Он закончил свое выступление, и снова зал взорвался аплодисментами. ООН рукоплескала, отдавая дань уважения мужеству этого человека.

Естественно, на следующий день снимки занемогшего советского министра появились на первых страницах американских газет, ведь случай был сенсационным. Однако так же естественно, что в наших средствах массовой информации об этом не было сказано ни слова. В нашей стране руководство не имело право на болезнь до могилы. Большевики не смели расслабляться. На «плачущего большевика», как сказал поэт, в музей сбегались бы ротозеи. А Андрею Андреевичу до ухода в мир иной оставалось тогда еще добрых одиннадцать лет...

МЖМП. Конечно, ООН и Громыко — тема объемная. Он стоял у истоков ее создания, а затем в течение многих десятилетий был с ней самым тесным образом связан. Известно, что на заре ООН Громыко являлся постоянным представителем СССР при этой организации, будучи одновременно заместителем министра иностранных дел СССР. Скажите, пожалуйста, не приходилось ли вам беседовать с Андреем Андреевичем на темы ООН?

А.С. Пирадов. Конечно, приходилось. Но лучше, чем он сам сказал о создании ООН и о своем участии в этом событии в мемуарах «Памятное», наверно, не скажешь. Разрешите напомнить его слова о дне подписания Устава ООН: «Советское руководство поручило мне поставить за СССР подпись под этим историческим документом.

26 сентября 1978 г. во время выступления на трибуне Генеральной Ассамблеи ООН А.А. Громько стало плохо: он потерял сознание. На снимке запечатлен именно этот момент. В центре — Андрей Андреевич Громько (в очках). Справа от него — врач Г.И. Кулаков. Слева — начальник охраны министра Е.И. Бураков. Сзади — охранник А.В. Решетов (впоследствии он стал начальником охраны министра иностранных дел России А.В. Козырева). На переднем плане — сотрудник ООН, директор-распорядитель зала Генеральной Ассамблеи.

В зале объявили перерыв, пока А.А. Громько отдыхал в комнате Председателя Генеральной Ассамблеи. А потом он, снова выйдя на трибуну, был встречен овацией зала. По окончании выступления присутствующие в зале встали со своих мест и овация продолжилась.

— Что с вами было? — спросили министра.

— Очень, очень жаркие лампы на трибуне, — последовал ответ.

(Снимок из газеты «Вашингтон пост» от 27 сентября 1978 г. В советской печати не публиковался никогда, в российской печати публикуется впервые.)

Возложенную на меня миссию я выполнил 26 июля 1945 года и сделал это с сознанием ее высокой ответственности. День подписания Устава ООН — один из самых незабываемых в моей жизни».

Да и в личных беседах, когда речь заходила об ООН, он всегда вспоминал о своей работе в этой организации или о делах, связанных с этой организацией, с большой теплотой.

К слову сказать, Андрей Андреевич не любил ночевать в городе. Он предпочитал уезжать на дачу, даже зимой. Это объяснялось тем, что там перед сном можно было совершать уединенные длительные прогулки. В Москве же с ее улицами и переулочками этого делать было нельзя: его, высокорослого, с весьма характерными чертами лица, мгновенно узнавали — и тут же возникала толпа.

В этих загородных прогулках зачастую доводилось участвовать и мне. И в беседах, переходивших порой в воспоминания, он говорил и об ООН. Чувствовалось, что он считает ее как бы своим детищем. Его заботило главное — чтобы эта организация стала действительно подлинным инструментом для поддержания мира в этом бурном, беспокойном мире.

Потому-то он был против всяких фундаментальных перемен в Уставе ООН, особенно против нападков на принцип единогласия «большой пятерки», считал этот принцип краеугольным камнем в работе Совета Безопасности да и всей ООН.

Посмотрите, насколько изменилось все сегодня, даже можно сказать, исказилось. НАТО от имени ООН бомбит Сараево и другие города Югославии, не считаясь с мнением России, переставшей быть великой державой. Разве можно было даже подумать об этом во времена Громыко?

МЖМП. Хотелось бы обратить внимание на одну весьма характерную деталь. Уже после 1991 года, и особенно после октября 1993 года, когда в средствах массовой информации нашей страны происходило окончательное развенчивание Сталина, когда стали расписывать «крах социализма как системы ценностей», когда без пистолетов, а только в «разоблачительном плане» журналист, историк или юрист набрасывается на любого из членов бывшего Политбюро, в это по-настоящему смутное время о Громыко продолжают писать и говорить в уважительном плане, посвящают его памяти большие телепередачи. Кстати, в одной из них не так давно участвовали и вы. Чем это, по вашему мнению, можно объяснить?

А.С. Пирадов. Объяснение есть. Громыко, хотя жил и работал в те страшные годы, не был связан с репрессиями. Более того, он мне рассказывал, что едва и сам не угодил в ту мясорубку. Перед его назначением в Наркоминдел на его родину, на Гомельщину, НКВД посылало специального человека, чтобы проверить, не кулацкого ли он происхождения. Выяснили, что нет, и доложили об

этом Сталину. Сталин предпочитал назначать на ответственные посты людей из села: те, дескать, трудоголики, да и не подведут, покрепче характером будут. В случае с Андреем Андреевичем он попал в точку. Тот всегда точно и аккуратно выполнял любые директивы. Это во-первых.

А во-вторых, вспомните те пятьдесят лет, которые он провел на внешнеполитической службе. Это годы могущества Советского Союза, расцвета влияния нашего государства в мире, в том числе и в дипломатии. Это годы Великой Победы в войне, роста влияния коммунистов в мире, особенно в Европе, где во Франции и Италии они даже вошли в правительства, создания социалистического лагеря, потом Организации Варшавского договора и СЭВ. Да, были срывы в области внешней политики. Как тут не вспомнить и корейскую войну, и ввод войск в Чехословакию, и Афганистан. Но, согласитесь, срывы в области внешней политики государства и крах самого государства — это разные вещи.

Вот с этих позиций и стоит посмотреть на отношение к Громыко сегодня. Доброе к нему отношение, наверное, надо воспринимать и как ностальгию по тем старым временам.

МЖМП. А каким он был в жизни?

А.С. Пирадов. Не удивляйтесь, но я скажу неожиданное: простым деревенским парнем с огромной тягой к знаниям. Он, постоянно совершенствуясь и расширяя свой кругозор, стал широкообразованным человеком. Много читал. И, конечно, по основной своей специальности — международным отношениям. Общение с рафинированными интеллигентами — потомственными дипломатами, какими были многие западные политики, помогало ему, но крестьянская хитреца проглядывала всегда.

Андрею Андреевичу было нелегко начинать изучать английский язык, когда ему было уже под тридцать. Здесь в роли учителя иностранного языка выступил Сталин: в прощальной беседе перед отъездом в США он пожелал молодому дипломату чаще ходить... в храмы, там, дескать, выступают с проповедями люди, у которых блестящая артикуляция и прекрасное произношение. Но это было, впоследствии вспоминал Андрей Андреевич, единственное пожелание Сталина, которое он, начинающий дипломат, не выполнил.

В главном — в политике — он быстро поднялся на вершины дипломатического искусства. В переговорном процессе ему не было равных: умел стоять до конца, проявлять гибкость и строго придерживаться полученных директив. Именно таким и запомнился. Не случайно на Западе в годы холодной войны Громыко в прессе прозвали «господином НЕТ».

МЖМП. А вот вы, как молодой по сравнению с ним дипломат, перенимали этот опыт в своей деятельности?

А.С. Пирадов. Обязательно. Для советской школы дипломатии Андрей Андреевич был своеобразным эталоном. Но мы привносили и много своего.

В частности, я помню, как на заре своей научно-дипломатической карьеры написал письмо на имя Сталина. В нем ставился важный теоретический вопрос, который имел практическое значение уже в то время. Тем более он значим и сегодня. Речь шла о том, что нация может быть субъектом международного права. Я убеждал Сталина в постановочном плане.

В том же письме речь шла о понятии международного права. Да вот посмотрите сами. *(Мы встречаемся с А.С. Пирадовым у него дома, в его кабинете. Он подходит к стеллажу, достает оттуда старую папку и извлекает из нее пожелтевшие странички письма.)*

Цитирую себя же: «Если думать, что международное право есть надстройка, тогда можно утверждать о наличии сейчас двух видов международного права: социалистического (СССР и страны народной демократии) и капиталистического.

Как же тогда назвать и куда отнести международное право, регулирующее отношения между государствами капиталистической и социалистической систем на международной арене?

Очевидно, что есть **единое международное право**».

Ответа на это письмо я не получил. Но сейчас сама жизнь ставит этот вопрос. И кто знает, если бы в нашей теории, в нашей доктрине императив о нации как субъекте международного права был принят, как и чем обернулось бы все происходящее сегодня? Как решались бы сейчас вопросы Чечни, Осетии, Ингушетии, Абхазии да и многие другие?

Мне много раз приходилось выезжать на переговоры и заседания Комитета ООН по космосу. Мы старались вносить новые элементы в практику переговорного процесса. Нашими партнерами с американской стороны были такие опытные кадровые дипломаты, как Артур Голдберг, Герберт Рис и Питэр Тэтчер. Вроде бы у нас все получалось неплохо, и сотрудничество в использовании и исследовании космического пространства с американцами у нас развивалось лучше, чем сотрудничество по вопросам обустройства жизни на Земле.

Хотелось бы пожелать молодым продолжать добрые традиции советской и российской дипломатии в ООН.

(Окончание следует.)

Интервью получено 5 сентября 1995 г.